

Лия Джексон

**В тени
развесистых
чинар**

Лия Джексон

В тени развесистых чинар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72299143

SelfPub; 2025

Аннотация

Проведя всю жизнь в Османской империи, семья богатого греческого господина даже не подозревает, как изменится отношение соседей и некогда друзей к ним, когда начнется война. Но даже такое серьёзное испытание не может помешать его дочерям взрослеть, познавать мир и, конечно, впервые влюбляться...

Лия Джексон

В тени развесистых чинар

Глава 1. Обитатели странного дома

Аника плохо помнила времена, когда ее мать была жива и тем более здорова. Красавица Роксан, при всех своих внешних достоинствах, обладала здоровьем хрупким, как лепесток розы, и нравом склочным, как суровая зимняя буря. Ее муж Никос души не чаял в своей молодой и прекрасной жене, выполняя абсолютно все капризы и прихоти знатной гречанки. Сам он был из небогатой семьи— его отец кое-как сводил концы с концами в рыбной лавке, да и отношения с сыновьями у него не ладились. Так что почти сразу после свадьбы новая маленькая семья перебралась из Пелопоннеса в Смирну.

Аника также не могла припомнить первые годы жизни в Османской империи; ей вспоминалось только засушливое, жаркое лето, когда ей было семь лет, и надрывный кашель матери с небольшого балкончика их виллы. Никос потратил немало денег на обустройство некогда почти заброшенного здания, но и это не удовлетворило нескончаемые ожидания Роксан; она горела балами и театрами, мечтала стать первой леди Смирны и носить самые роскошные наряды. К сожалению, у ее мужа не было таких средств, чтобы обеспечить достойную, по ее мнению, жизнь. Неизвестно, повлияло ли это

на душевное и физическое состояние Роксан, но с каждым днем она увядала, как засохший цветок розы на кусте, о котором все забыли.

На похоронах Аника не плакала; маленькая восьмилетняя девочка не могла полноценно осознать, что ее матери, избалованной и инфантильной, но такой любящей и красивой, больше не было. Одна из тетушек, увидев ребенка, громко зарыдала, прижав надушенный платок к белому лицу— с хуленького остроносого личика на нее смотрели те же огромные черные глаза, что были у ее почившей сестры. Ирис, старшая дочь в семье, просто тихо стояла в стороне, опустив серые глаза на землю. Девочка только недавно вернулась из Англии, где училась в пансионе, и понятия не имела, как больна была Роксан. Теперь перед ней стояла серьезная задача— не дать сестре и отцу упасть духом окончательно.

В белой вилле на окраине Смирны была еще одна обительница, тихая и незаметная, практически сливающаяся с цветом штукатурки на стенах из-за болезненно бледного цвета кожи. Ее звали Элин, и о ее происхождении предпочитали молчать. Она была дочерью Никоса, это знали все, однако никто ни разу не слышал, чтобы она звала Роксан матерью. Впрочем, Роксан и сама не уделяла много времени старшей дочери; она была незаконнорожденным ребёнком ее мужа, и женщина не видела никакого смысла любезничать с ней. Более того, еще в Греции соседи часто шептались, что Никос крутил роман с чужеземкой, немкой, и это вполне мог

быть и ее ребёнок.

Аника мало общалась с сестрой. Маленькая девочка привыкла, что все внимание и любовь матери доставались ей, и старшая сестра всегда уходила куда-то на задний план. В картине мира Аники не было места еще одному ребёнку, с которым пришлось бы делить любимых родителей. После смерти Роксан, однако, Элин пыталась сблизиться с малышкой, пусть ее попытки и не увенчались особым успехом. Никос пытался помирить девочек, но хрупкая, больная Элин была была неинтересна живой и бойкой Анике, которая предпочитала лазанье по деревьям книжкам и шитью. Мужчина списывал все на возраст и тяжелую судьбу девочки, но вскоре он решит, что ему следовало больше заниматься обеими дочерьми. В этом ему помогал только один человек—садовник Махмуд, который был так стар, что кто-то уверял, будто он застал ещё славные времена Сулеймана Великолепного. Таково было немногочисленное население белой виллы.

Было так жарко и душно, что Аника весь день сидела в своей комнате, не высовывая даже носа в окно и тем более за дверь. Даже будучи крепкой и выносливой, за годы жизни на юге Османской империи тонкая натура гречанки не привыкла к изнуряющей жаре и палящему солнцу великого Востока. Был май, но казалось, что было жарче, чем в июле.

Оставив книжку, Аника несколько раз пробежалась по комнате кругом, чтобы размять затёкшие ноги. Едва подой-

дя к окну, она сразу же отошла, ибо даже стекло было раскалённым.

—Противная жара.—проворчала девушка. —И как только турки ее выдерживают? А мне даже не побегать по лесу теперь.

В дверь постучали, и Аника пошла открывать, чтобы хоть как-то отвлечься от нудной рутины чтения книг. На пороге возникла Элин, которая за прошедшие годы стала только бледнее и слабее. Признаться, Аника считала сводную сестру красивой; длинные черные волосы, обрамляющие фарфоровое личико, были много лучше пшеничных кудряшек самой Аники, которые она втайне мечтала перекрасить в более темный цвет.

—Папеньке нездоровится.—тонким звенящим голосом сообщила Элин.—Я подумала, ты можешь его утешить.

—А что с ним? Опять над портретом Роксан рыдает? — беззлобно съязвила рыжеволосая.

В силу того, что она постепенно забывала даже самые значительные вещи о матери, она страшилась называть ее так, так что использовала ее имя. Аника почти совсем не помнила Роксан, но ей было так тоскливо от того, что эта женщина так и не смогла стать ей настоящей матерью.

—Нет, над газетой.—наивно объяснила девушка.—Вероятно, прочитал что-то плохое. Ты же знаешь его, такой чувствительный, и сердце слабое...

—А у нас в семье есть хоть кто-то здоровый?— с сомнением

уточнила Аника. — Даже у Ирис вечные мигрени.

— Это от жары. — сочувственно вздохнула брюнетка. — Сама не понимаю, почему папенька все еще отсюда не уехал.

— Потому что тут нравилось ей. — отрезала младшая, снова побоявшись назвать мать. — Воспоминания и все дела. Это так жалко, но я могу его понять. Только вот Ирис постоянно мучается. Да и тебе несладко, я же знаю.

— Ради папеньки я готова потерпеть. — Элин смиренно сложила руки на переднике, словно выражая свою искреннюю покорность.

Фыркнув, Аника натянула на босые ноги тапочки из войлока и с легкостью своих шестнадцати лет побежала вниз по лестнице, на первый этаж, где располагался кабинет Никоса. Это было место, которое все три девушки старательно избегали, словно оно могло затащить их в пучину отчаяния. На каждой стене висели портреты Роксан, шторы всегда были плотно задернуты, а на письменном столе лежала груда бумаг, с которой мужчина никогда не успевал разобраться. Собрав волю в кулак, Аника постучала в тяжелую дубовую дверь. Несколько секунд стояла тишина, а потом хриплый мужской голос ответил: «Войдите».

Девочка робко просочилась в кабинет, даже не открывая дверь шире необходимого. Как обычно, внутри было темно и еще более душно, чем во всем доме, а на столе едва колыхалась догорающая свеча. Сам Никос сидел в кресле, уронив голову на руки.

—Что случилось, папенька? Сестрица сказала, вам нехорошо.—голос Аники слегка дрожал, как и ее колени, пока она ковыляла к отцу.

Никос не ответил— просто молча протянул ей газету. Взяв ее загорелой рукой, девочка наскоро пробежалась глазами по тексту, и ее ноги подкосились.

—Сегодня... 15 мая 1919... Греческие войска высадились в Измире (Смирне)... Началась оккупация...—промямлила она. —Папенька, что это значит? Началась война?

—Да, милая.— устало подтвердил Никос, потирая морщинистый лоб.—Греция объявила войну Османской империи, их войска уже захватывают Анатолию, а мы попали под первый удар. Мы не в безопасности; их первой целью оказались греки, переехавшие в Турцию. Они считают нас предателями родины, а сами турки нас теперь ненавидят и опасаются.

—Так давайте уедем, папенька!— взмолилась Аника.—Еще не поздно! Не поздно же, да?...

—Выезд из города перекрыт, а пристань занята греческим флотом.—вздыхнул мужчина.—Мы уже никуда не уедем. Запомни одно, солнышко. Мы не греки больше. Мы должны быть на стороне турков, и здесь, в Измире, наш дом.

—Измире?...— эхом переспросила ошарашенная девочка.

—Да. Так этот город зовется по-турецки. Прошу тебя, Ани, будь терпеливой, и мы справимся. Будет трудно, но мы не можем предать это место.

—Потому что мама его любила?— горько и слишком резко

спросила она, совершенно не замечая, как наконец назвала Роксан матерью.

Лицо Никоса помрачнело, и он откинулся на спинку кресла, ничего не ответив дочери. Он понимал, что вел себя эгоистично и подвергал опасности, должно быть, всю свою маленькую семью, но какое-то чувство долга внутри не позволяло ему просто уехать. В конце концов, Роксан ведь была частично турчанкой, у нее даже армянские корни были. А из-за геноцида армян в последние годы было бы нечестно просто уехать— так считал мужчина, тайком оправдывая свою нерешительность памятью о жене.

Аника, поняв, что отец не желает продолжать разговор, молча вышла из комнаты. Всякий раз, когда она хотела понять и простить отца, он умудрялся вновь разочаровать ее гордое сердечко. Ей всегда казалось, что мужчины были слабыми и безответственными, но отец был просто вишенкой на торте ее матриархальных взглядов. Ну почему он живет лишь прошлым? Почему не видит, как им плохо? Ответ на этот вопрос пришел сам собой—посмотрел укоризненным взглядом темно-синих глаз с портрета на стене. Аника горько усмехнулась себе под нос. Так уж вышло, что Никос любил воспоминания о покойной жене больше, чем своих дочерей.

Глава 2. Личный выбор, который стал предательством

Так прошёл месяц, полный страха и неизвестности. Аника боялась говорить о войне, словно это могло приблизить неизбежное поражение. Глубоко в душе девочка знала, что у ослабленной Первой Мировой войной Турции было очень мало шансов. Она не чувствовала себя турчанкой, но все же верность новой родине была дороже коротких обрывочных воспоминаний о родном полуострове в Греции.

А между тем ситуация на фронте была совсем плачевная для империи. Греческие войска уже заняли города на полуострове Карабурун к западу от Измира (Урла, Чешме, Сеферихисар и Карабурун). Чуть позднее они захватили Сёке, город в стратегически важном месте, Менемен и Торбалы, Сельчук, Байындыр, Фочу и несколько других городов. В конце мая Аристидис Стергиадис, верховный комиссар Греции в Измире, отдал указ об оккупации Айдына, Манисы и Тургутлу.

Семейство переселенцев за этот период стала главным объектом обсуждений среди коренных горожан. Несмотря на верность Никоса его новой стране, многие уверенно считали, что он настоящий предатель в этой истории. Отношение к его семье было соответствующим— больше всего ненавидели Элин, в которой текла «порочная кровь», ведь она была рождена вне брака. Это вызывало такое ужасное негодование у Аники, что сестрам приходилось постоянно сдерживать ее, чтобы разъярённая девочка не приложилась кулаком об лицо какого-нибудь особо наглого соседа. Дочерям

«предателя» пришлось перестать ходить в школу, ведь там даже учителя смотрели на них косо, не говоря уже о бесконечных насмешках и издевках одноклассников. После того, как Элин пришла домой с обожжённой рукой и синяком на бледной щеке, Никос срочно забрал девочек из учебного заведения, собираясь обучать их на дому. Однако времени на это у него никак не находилось, да и Аника, на его взгляд, становилась все более неуправляемой. Девочка-подросток, отягощенная трагедиями в семье, редко слушалась отца, ссорилась с сёстрами и сбегала из дома, несмотря на опасности. Она страшилась мысли о взрослении и боялась, что отец выдаст ее замуж в скором времени. Подумав и помучившись, Никос всё-таки принял тяжелое решение— взять в дом гувернантку. Средства позволяли, да и обзавестись соратником в такие смутные времена было прекрасным решением. Выбор пал на турчанку из благородной, но обедневшей семьи, и она сразу же завоевала любовь всех членов семьи. Пинар было всего тридцать лет, но она была умнее многих старых мудрецов, говорила на восьми языках и умела находить подход ко всем людям. Даже упрямая Аника невольно растаяла, когда Пинар призналась, что тоже никогда не хотела замуж. Договор был скреплен печатью и рукопожатием, и на белой вилле появился еще один житель.

В это время у Ирис появился первый настоящий секрет. До этого девушка была так наивна и скромна, что все ее сек-

реты быстро становились достоянием семьи, но в этот раз она понимала, что такое рассказывать нельзя. У ее секрета было имя— Теодор.

Они встретились в первую неделю оккупации. Мужчина— а он был уже действительно мужчиной, с его широкими плечами и мужественными чертами лица— приходился троюродным племянником командиру греческой армии, но сам он был более чем на половину англичанином и всю жизнь провел в Лондоне. Ирис не смогла устоять перед горящими черными глазами и высоким интеллектом, да и Теодору приглянулась милая белокурая девушка, которая была много умнее, чем казалась. Однако Тео мало думал о ее знаниях; в основном молодые люди развлекались на балах, кружась в вальсе, или гуляли по городу, заходя в модные бутики. И если сержанта это полностью устраивало, то Ирис уже грезила мечтами о белом свадебном платье и совместной жизни где-нибудь в английской провинции, далеко от этой войны и геноцида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.